

Далёкий берег

Антон Боровицкий

Содержание

Далёкий берег

2

Далёкий берег

Будильник прозвенел, как обычно, в пять. Затрещал, зазвонил, забился в лихорадочном припадке. Дейго дёрнулся, продрал глаза. Уставился в потолок — низкий, плохо и давно штукатуренный, весь в трещинах и разводах от протекающей крыши.

— Талли?

— М-м?

— Пора вставать. И ногу с меня убери.

Талли промычала что-то. Сморщилась. Но ногу с живота убрала. Вставать, правда, отказывалась.

— Вставай, говорю. — Он потряс её за плечо. Не дождавшись реакции, тряхнул сильнее.

— Ну, Рена-ар...

— Это вчера я был Рена, а сегодня господин капитан. Давай-давай, поднимайся. Мне на службу, тебе на работу. У тебя репетиция с утра, забыла?

— Ничего я не забыла...

Талли забурчала, заворочалась. Изображает из себя обиженную девочку.

— Что ты так рано встаёшь?

— Чтобы успеть.

Он рывком откинул одеяло, поднялся, пошлёпал в ванную. Голова кружилась, подташнивало — вчера явно перебрал лишнего.

Дождь лил уже четвёртый день. С подоконника, у сушилки для полотенец, стекало в предусмотрительно подставленное ведро. Он воткнул в розетку электробритву. Приставил, упёр в щетину. Принялся водить — от подбородка к виску, и ниже, к шее, а потом под носом. Лезвия тупые, дрянь, давно пора купить новые. Но в Кайрене таких нет, хрен чего найдёшь в этом Кайрене. Вернер обещал привезти из Тарнгрена, но когда он ещё доедет...

В треснутом туалетном зеркале на него глядела морда. Морду он не любил, и чем дальше, тем больше. Серый весь, осунувшийся — как весь этот чёртов город. Над правой бровью — шрам от старой драки. Волосы седые, а ведь ещё не старик. Не повезло, что скажешь. Генетика. Знать бы в кого пошёл — в мать или отца. Да не узнает уже никогда. Смирился.

Капитан хренов. Охранного ведомства. Что, съел? Вот и молчи. И брейся.

И он брился — уныло, старательно, ожесточённо. Привычно.

— Наконец-то, — буркнула Талли, прошмыгивая в душ. — Не один тут живёшь, вообще-то.

Он не ответил. Слышал уже. Разбил, вылил на сковородку два яйца. Подумав, добавил ещё два — для Талли. Порезал хлеб, нашёл в холодильнике кусок холодного мяса.

Талли всё мылась: женщины любят поплескаться. Он не стал ждать, когда выйдет — время поджимало. Включил радио и сел завтракать.

Из радиоприёмника, после коротких помех, грянул гимн Сарвенна. Дейго жевал, слушал вполуха. Когда гимн закончился, диктор — бодрый, с металлическим тембром «голоса Державы» — принялся зачитывать утренние новости.

— *Военный флот пополнился... Международное положение остаётся стабильным... Дорейнские милитаристы продолжают нагнетать напряжённость... Официальный Дашогар...*

Дейго сморщился, как от зубной боли, и откусил хлеб.

— *И коротко о погоде: на побережье северо-восточный ветер, шесть — десять метров в секунду, порывы до двенадцати. Волнение три балла. Видимость умеренная. На ближайшие дни ожидаются сильные осадки.*

Он дожевал, запил чаем. Три балла — порт открыт. Хотя даже если закрыт — он всё равно пойдёт. Даже если шторм, буря, или сама Герата восстала из глубин, чтобы судить непокорных человечков в Последний Час.

Наплевать. Глубоко. Потому что конец ему, если сдастся. Но он не сдавался, не желал. И тянул, тянул эту лямку. Двенадцать лет уже как.

Талли он из душа так и не дождался. Отсчитал, положил на стол тридцать крон-марок: на подарок дочке и вообще. Стукнул в дверь ванной:

— Ухожу. Потом захлопнешь.

Талли можно доверять. Никому нельзя, а певичке из кабаре можно. Как он с ней связался — сам не понимал. Закрутилось, завертелось. И первое свидание — где он, мрачный и прокуренный, краснел и бледнел, как пацан.

Часы показывали 5:43. Припозднился, но не страшно. В комендатуру надо к полвосьмого. Время есть. Для того так рано и встал.

Он спустился по старой лестнице. Распахнул дверь, вышел на улицу.

Дождь. Солёный морской ветер. И серая, непрерывная, нависшая над головой хмарь.

Первым делом он направился на рынок. Потолкался среди рядов. Утром цены лучше, да и рыба свежее. Он торговался — и слушал, прислушивался. Чёрный плащ Ведомства узнавали издали, прикусывали языки. Но кое-что всё равно доносилось.

— О чём народ шепчется, Тарго?

Тарго — низенький, толстый и лысый — воровато оглянулся. Сунул в руки пакет, затараторил, понизив голос.

— Всё то же, господин капитан. Цены вот подняли, ропщут. В прошлом месяце рыба по полкрона, а теперь уж такой не найдёшь. Кризис, говорят. Тарнгренн всё скупил.

Тарнгренн в Кайрене не любят. Новый порт, сорок минут поездом до Тарвана. А старый, Кайрен, гниёт, оставшись никому не нужным. И Дейго гниёт вместе с ним.

— Что ещё? Да убери ты пакет, дурак. Что я его, в комендатуру понесу?

После рынка — привычный маршрут. Проверить пирсы на предмет мин и прочей гадости. Не все, только те, где может пристать к берегу мурн. Но это в теории, а на практике: стоять под ржавым краном и вглядываться в зелёную муть до рези в глазах. Глупость, конечно. Но надо. Кому? Наверное, ему.

Ещё обойти склады, сверить пломбы, надавать, если требуется, по щам расслабленной охране из срочников. Стоят, глазками лупают. А сами, чуть что, норовят в самоволку по

кабакам. И офицеры у них не лучше. Собаки все и лентяи, кроме, разве что, Келлера, но и тот выпить не дурак, правда, только после дежурства.

Ещё встретиться с прикормленными осведомителями: не видали ли что у доков, не объявился ли в городе незнакомый люд? Лиссанцы, таригатцы или залётные, с островов. Но нет. Не объявился, ни новый, ни старый. Даже бандиты из города ушли на вольные тарнгрэнские хлеба.

Он, грешным делом, иногда мечтал — обнаружить, вскрыть, пресечь. О подвиге каком-нибудь, чтобы после сразу — перевод. Кайрен остобрылел, заел, замучил. Правда, есть Талли, а у Талли — дочка Нея. И у них, кроме капитана Дейго, никого. Да и у него кроме них — тоже. А ещё у Талли мать больная, и мать она не бросит, а с собой старуху не возьмёшь.

К семи он был в комендатуре. Келлер уже стоял на крыльце — молодой, рыжий, вечно весёлый — и втирал что-то несчастному караульному. Тот кивал, тербя пояс и втянув голову в плечи. На плохо выбритой шее дрожал острый кадык.

— Господин капитан! — Келлер вытянулся, козырнул по-флотски, лихо заломив ладонь вперёд и вверх.

Умеет, зараза. Дейго ухмыльнулся.

— Отставить, лейтенант. Не на параде.

Они пожали руки.

— Как сын?

— Кровь пьёт, чертяка. Вчера поцапались. Сам?

— В норме. Талли привет передавала.

— И ей. Повезло вам, господин капитан.

— Сплюнь.

Вернер стоял в коридоре и курил у окна: лысый, грузный, в расстёгнутом кителе. В кабинете нельзя, в кабинете Эрна заругает. Эрну бояться и слушают. Даром, что секретарша.

— Здравия желаю...

— А, ты, — Вернер затыкнулся, швырнул, свинья, в окно бычок. — Ну что, обошёл любимый город, обнюхал? Можно спать спокойно?

Дейго выдавил из себя улыбку. Шуточки — двенадцать лет одни и те же. И про город, и про ссылку. А сам за какие грешки здесь оказался, рассказывать что-то не торопится.

Он протиснулся в кабинет. Стул, вешалка. Обшарпанный стол. На облупившейся от сырости стене — портрет Канцлера. В углу — полка с папками.

На столе, на блюде, лежали два пирожка с капустой. Эрна. «Мамочка». А он — сынок, как и Вернер с Келлером. Пирожки надо съесть, иначе будет хуже. И спорить нельзя, себе дороже с Эрной спорить. Да и не хочется. Жалко тётку.

Сын у неё погиб под Стеррхавном во времена Раскола. Встал на сторону адмирала Кренна. Но Кренн проиграл, а победил Вальг — вон он, на портрете. Но, победив, счётов с павшими сводить не стал. «Не изменники, но жертвы измены». Эрна до сих пор пенсию получает. Да разве сына это вернёт?

Он впился зубами в пирожок. Вкусно, чёрт. Правильно Вернер ей по пьяни руку и сердце предлагал, а Эрна хихикала и отмахивалась, что твоя гимназистка. А вот в Дейго вцепилась крепко. Потому как военный сирота и «дитя Державы», без матери, без отца, но с Канцлером в сердце.

Он подвинул к себе машинку. Вставил бланк — серый, форма №014/б, «Сводка за сутки». Две копки под низ, сверху оригинал. «Смеркалось», твою мать, «Записки охотника за диверсантами». Печатал он медленно, тыча указательными пальцами по клавишам. Пыталась его Эрн научить, да не вышло ничего — бестолковый.

«За отчётный период...»

Он выдернул листы, скомкал, бросил в корзину. Вставил новые.

«За отчётный период...»

Опять. Дейго выругался сквозь зубы, но бланкбланк не выкинул — замазал. Сойдёт. Печатал дальше — тык, тык, тык — а сам думал о Талли, о Нее, тупых лезвиях и о том, что рыба подорожала.

Очень хотелось бросить. И не писать, и не отправлять куда ненужные бумажки. Зачем это всё? Кому? Занюханый порт в занюханом городе. Но если не писать — свихнётся. Или сопьётся. Не он первый, не он последний.

Радовался ведь, дурак, когда перевод из грённых получил. А Брэннок сплавил просто, от греха подальше. А без блата в Ведомстве — разве продвинешься? Хорошо ещё, что Кайрен. Могло быть и хуже. И дальше.

Гораздо дальше.

— Дейго!

Вернер стоял в дверях, «давил лыбу». Подмигнул — хитро, нагло, по-мальчишески.

— Твой выход, капитан. Иностранец в порт входит.

Дейго оторвался от машинки. Уставился на родное начальство.

— В смысле — иностранец? Почему не в реестре?

Вернер хмыкнул. Помял в пальцах очередную, не зажжённую ещё папиросу.

— Шёл до Тарнгрэнна, да не дошёл. Поломка, говорят. Короче, отправили буксир, скоро его притащат. Келлер уже там, пирс номер шесть. Дуй, давай, Ведомство, пока я не передумал.

На шестом пирсе он был через двадцать минут. Ещё через сорок минут косога дождя с промозглым ветром буксир дотолкал-таки корабль до берега.

Корабль оказался невелик — посудина на тысячу тонн с низкой палубой и одной-единственной мачтой для грузовой стрелы. Борты рыжие от ржавчины, краска облупилась. Чужая постройка, лиссанская или дорейнская, у них обводы похожие, не разберёшь. Но флаг — сарвийский, штопаный-перештопаный, вымокший дочерна, пропитанный ветром и солью.

Дейго стоял под навесом, смотрел, как буксир подталкивает корму, разворачивая судно вдоль пирса. На палубе вяло суетились матросы — двое, может, трое. Брали швартовы, перебрасывали на кнехты, где их подхватывала портовая бригада. Один из матросов в промасленной робе орал что-то неразборчивое — ветер сносил голос.

Келлер топтался рядом, накинув на голову капюшон. Подошёл, когда трап — узкий, деревянный, с плохо прибитыми перекладинами — заскрежетал по камню пирса.

— После вас, господин капитан.

Дейго кивнул. Извлёк из-под плаща папку. Просмотрел, сунул обратно. Шагнул — и поднялся по трапу, шурясь от летящих в морду капель.

Капитан оказался невысоким, жилистым, с седыми аккуратными усами. На сарвийском говорил с лиссанским акцентом. Документы в порядке, и судовые, и грузовые. Манифест на партию кожевенного сырья — из Дорейна в Тарнгренн. Печати, подписи, всё честь по чести. Оставалось досмотреть груз — и, собственно, всё.

— Пройдёмте в трюм.

Но капитан замешкался, ткнул большим пальцем через плечо.

— Ещё пассажир. Один. В Тарнгренн тоже. В каюте сидит, вон там.

Дейго оторвался от бумаг. Поднял взгляд.

— Пассажир?

— Ну да. Господин Торбен Ресс, ваш, сарвиец.

— Что делает на судне?

— Сказал, учёный. — Капитан развёл руками. — В Дорейне подобрали. Срочно, говорит, по делам в Тарван надо. Только документы все у него, вы уж сами спросите.

— Спрошу. Веди.

Каюта находилась в кормовой надстройке — дверь узкая, краска, как везде облупилась. Дейго постучал. Не дожидаясь ответа, вошёл.

Внутри пахло сыростью и старым деревом. На койке, поджав ноги, сидел человек в очках — круглых, в тонкой металлической оправе. Среднего роста, волосы прилизаны, лицо невыразительное. При виде Дейго он расплылся в улыбке — дурацкой, открытой, слишком уж приветливой.

— Доброе утро!

Дейго окинул взглядом каюту. Два чемодана — один раскрыт, битком набит книгами. Карты, какие-то бумаги, кисточки. Поверх — пыльный свёрток, перевязанный бечевой.

— Что везёте?

Ресс закивал, засуетился, потянулся к чемодану:

— Пустяки. Для работы. Я историк, археолог. Вы даже не представляете, что я нашёл в Дорейне!

На стол лёг старый медный подсвечник, затем — потемневший осколок глиняного кувшина, следом — старинный, весь в окаменелой глине нож. Ресс выкладывал, комментировал, улыбался. А Дейго смотрел на его пальцы: тонкие, шустрые, интеллигентские.

— Вы не беспокойтесь, справки у меня есть. Вот, соблаговолите.

Он извлёк и потряс в воздухе пачкой бумажек с печатями. Сунул в руки, забарабанил по столу, заглядывая в глаза.

Дейго молча пролистал справки. Министерство археологии Дорейнской республики... Таможенный комитет, разрешение на ввоз... Лицензии на проведение раскопок: и дорейнская, и сарвийская, и даже таригатская.

Лицензия... Лицензия... Разрешение... Удостоверение — Сарвеннского государственного института истории. Торбен Миола Ресс. Профессор. Историк. Кафедра археологии.

— Это что? — Он кивнул на закрытый чемодан.

— Книги, для личного пользования.

— Откройте.

Ресс пожал плечами, но подчинился. Щёлкнул замком.

— Пожалуйста.

Правда, книги.

Дейго опустился на корточки, принялся перебирать. «Керамика Южного побережья». «Дорейн в эпоху Великого переселения». «Монетные клады Лиссанского тракта». Учёность — со скуки сдохнешь. Макулатура, разве что полки украшать.

И вдруг он замер.

Маленькая книга в потрёпанном переплёте: «Сарвийские баллады». Дешёвая, на дешёвой серой бумаге. Клееный корешок разваливается. Хреновое издание паскудных послевоенных лет.

Кровь бросилась в виски. Голос сел, пришлось откашляться.

— Откуда это у вас?

— А? — Ресс заглянул через плечо. — Купил на барахолке, кажется, в Дашогаре.

— Купили?

— Ну да. — Ресс опять по-дурацки улыбнулся. — А что?

Дейго помолчал. Книга лежала в руке — лёгкая и тёплая. Слишком лёгкая и слишком тёплая. Заметить, правда, трудно. Если раньше не встречал.

— Сельма Крейн.

— Что, простите?

— Сельма. Крейн. — Дейго выпрямился. — Что ты о ней знаешь?

— Я... Ничего... А кто это?

Дейго рванул из кобуры пистолет. Щёлкнул предохранителем. Рывкнул:

— Торбен Миола Ресс. Именем Канцлера и властью Сарвеннской республики вы арестованы.

Подвал комендатуры пах сыростью и известкой. Лампочка под потолком — голая, без абажура — светила тускло и жёлто, едва разгоняя темноту по углам. Ресс сидел на откидной койке, руки скованы за спиной. Очков нет, очки слетели ещё по пути. Смотрит забито. Догадывается, чем пахнет.

Дейго встал напротив. Снял плащ, повесил на гвоздь у решётки. Хрустнул костяшками — медленно, демонстративно.

— Кто ты такой?

— Я не понимаю. Я историк, архе...

Он ударил — хлёстко и коротко. Очкарик дёрнулся, из разбитой губы тонкой струйкой закапала кровь.

— Ренар...

— Келлер, выйди! — Дейго повернулся к нему разъярённым лицом. — Это приказ!

Келлер обиженно пожал плечами. Сделал знак охраннику, поднялся по узкой лестнице, хлопнул дверью.

— Кто. Ты. Такой.

Новый удар. И тычок — в лицо, книгой.

— Такая же была при ней. Сельма Крейн. Ну?

Ночь. Берег. Обломки — лёгкие, как фанера, и прочные, как сталь. На мелководье — женщина, в тёмном комбинезоне из металлической какой-то ткани. Контузия, ничего не соображала. Глаза мутные. Но смотрела... Здесь никто так не смотрит. Ни тогда, ни сейчас.

Он нашёл её первым, он и его отряд. Грэннвары, грэнны, береговая пехота. И юный ранг-сержант Дейго, только что из училища.

— Как вас зовут?

— Ю...

— Что?

— Сельма. — Она начала приходить в себя. — Сельма Крейн.

Он присел, перекинул её руку через плечо. Помог подняться, замирая от странного ощущения близости. Махнул товарищу, чтобы дал термос с горячительным.

— Откуда вы?

— Издалека...

— А это?

Он потянул у неё из рук томик: лёгкий и чуть тёплый. «Сарвийские баллады». Тогда на странность книжицы внимания не обратил. Потом уже понял.

— Вы любите читать?

— Да, а вы?

Он не успел с ней поговорить. Не успел ничего понять. Командир Брэннок, старый тёртый лис, вызвал Обер-канцелярию. Фары в лицо, грузовик. Сельме заломили руки и повели. Она попыталась сопротивляться — не соображала ещё толком. Её ударили. Повалили. Снова подняли и потащили.

И Дейго не выдержал. Молодой, кровь бурлила. Рванулся, сжимая автомат, но Брэннок оттащил его в сторону и дал оплеуху:

— С ума сошёл, щенок?

А он и правда немного сошёл. Сельма Крейн: запах, голос. Точёная фигура в тёмном комбинезоне и глаза — чужие и манящие. «Ю»... Что за «Ю»? Нет имён в сарвийском на Ю. В таригатском есть, «Юшра». И то — деревенское, простонародное.

Всё это он выложил Рессу. Ну, кроме глаз, конечно.

— Я знаю, что вы как-то связаны. Вы шпионы? Это шифр? Отвечай, убью!

Он шарахнул ладонью по стене.

— Я ничего не понимаю, — жалобно заскулил Ресс. — Пожалуйста, отпустите меня. Ну хотите, позвоните в институт.

— А книжка?

— А книжку я купил. На барахолке. В Дашогаре. Ну точно на барахолке!

— Врёшь!

Ресс не дёргался. Смотрел прямо, не моргая.

Дейго снова ударил — в «солнышко». Ресс согнулся, захрипел. Промямлил что-то. Он схватил его за грудки и приподнял.

— Говори, паскуда.

— Дейго!

Бледный Вернер кубарем скатился по лестнице. Подскочил, схватился за решётку.

— Оставь его, дурак!

— Что такое? — Дейго отпустил Ресса, и тот кулём рухнул обратно.

— Только что звонили из Обер-канцелярии. — Губы полковника тряслись. — За ним едут, будут через полчаса.

— И что?

— А то, что мне не нужны проблемы! — плаксиво взвизгнул Вернер. — Ты зачем его мордуешь, кто его таким примет? Ещё сообщат куда следует.

— Не сообщат.

Вернер издал булькающий звук, взмахнул рукой и умёлся наверх. Хлопнула дверь. Дейго снова рванул Ресса к себе.

— Дурачка из себя строишь? Ничего...

Он швырнул пленника на пол. Оскалился, утирая пот. Кто вызвал так не вовремя канцелярских? Паскуда Келлер? Он ему припомнит.

— Ты расскажешь им всё, — ласково поведал он пленнику. — Про книгу, про себя, про Сельму. Оберы тебя разговорят. Лучше скажи здесь. Целее будешь.

Очкарик сморщился. Закряхтел, пытаясь приподняться по стенке. И сказал вдруг, выходя из образа:

— Дурак. Остолоп. Не трогай меня больше.

— Что ты сказал?!

— Юлия, — бросил странно изменившийся очкарик. — Её звали Юлия. Твою Сельму. С ней, кстати, всё в порядке.

Кряхтя, он опустился на койку. Улыбнулся — странно, по-новому.

— Всё врагов ищешь? Идиот... Меня должны были встретить в Тарнгренне. Если бы не эта чёртова поломка...

— У тебя есть сообщники? — страшным голосом осведомился Дейго. — Кто?

Но очкарик не испугался, передразнил:

— Конь в пальто. Надоели вы, хуже горькой редьки. «Канцлеры», «Империи», «мурны», «подвиг Дальга». Скотина он безмозглая, твой Дальг. Два города — в пепел, с людьми, с детьми. Ради чего?

Эрвин Дальг. Единственный из капитанов, выполнивший приказ адмирала Кренна. «Вы понимали, что бьёте по городам?» «Я понимал, что это война». Расстрелян. И чёрт поймёшь — герой или преступник. Одно слово — вайгранг. Иначе и не скажешь.

— Что? — взревел Дейго, хватаясь за кобуру. — Что ты знаешь о Щите, паскуда?

Ресс вздохнул и заговорил: тихо, устало, язвительно.

— Десять жестянок в Срединном океане. Крейсеры ваши подводные с баллистическими ракетами. Через полтора года такие же появятся у Дорейна. Ещё через пять лет — у Таригата.

— Что это значит?

— А то, — ожесточённо ответил Ресс. — Три империи, у каждой по ядерному Щиту. И каждая хочет планету себе, а планета одна. Догадываешься, чем пахнет?

— Кто ты такой? — снова, уже тихо спросил Дейго. — Откуда?

— С далёкого-предалёкого берега, — усмехнулся Ресс. — Оттуда же, откуда и Сельма. Доволен? А теперь заткнись и расстегни мне руки.

— Я тебя..

Он не знал, что делать, впервые в жизни растерялся. Щит Глубин — тайна из тайн. Никто не знает про подлодки класса «Мурн»: ни сколько их, ни где в каждый момент находятся. А этот — знал. И говорил походя и буднично, будто спортивный матч обсуждал.

— Ты останешься здесь до выяснения.

Ресс усмехнулся:

— Поздно, капитан. За мной уже пришли.

Наверху послышались голоса, дверь распахнулась. Первым он увидел ботинки — коричневые, начищенные. Следом за ботинками в подвале показались двое.

Первый — сухой, подтянутый, в чёрном костюме. Волосы седые, короткие, уложенные. Глаза — серые, с прищуром. В руках — промокшая от дождя шляпа.

Второй был помладше, шире в плечах, с папкой под мышкой. Тоже в чёрном, как и все оберы. Шляпа чуть сдвинута на глаза. Он пересчитал подошвами ступеньки, остановился на полшага позади первого. Прямо за ним замер на лестнице красный и потный Вернер.

Седой остановился перед Дейго. Кивнул на Ресса.

— У нас предписание. Немедленная передача арестованного в распоряжение обер-канцелярии.

— Документы? — выдавил Дейго.

Седой вынул из внутреннего кармана сложенный вдвое лист с печатью. Развернул, сунул в лицо.

Первым в глаза бросился герб. Следом регистрационный номер и подпись... Самого. Приказ о передаче Торбена Ресса. Немедленной. На имя портового коменданта города Кайрена, несчастного, полумёртвого от ужаса полковника Орта Вернера.

— Встать, — скомандовал Рессу тот, что помладше. Рванул его за плечо, поставил на ноги. Повёл — наверх, по лестнице. Дейго двинулся следом.

Он шёл, как в дурном сне. Будто не он идёт, а кто-то другой. Лестница — наверх, шаг за шагом. Дверь. Комендатура. Вытянутая морда Келлера, чуть дальше — встревоженная Эрна выглядывает из кабинета. И Вернер — посеревший, ссутулившийся. Китель впервые за столько лет на все пуговицы.

Мысль пронзила внезапно: а ведь это не Келлер их вызвал. Не успел бы, не додумался. Не посмел. Тогда кто? Откуда? Эрна? Жмущаяся по углам солдатня? Бред. А они узнали.

Узнали!

Торбен. Почему раскрылся? «Её звали Юлия». Время тянул, чтобы морду не квасили?

И уже на выходе, у стола дежурного, он решился.

— Стоять.

Рука легла на кобуру. А внутри всё трясётся, словно у интенданта перед инспекцией.

— Стоять, говорю!

Оберы вздрогнули. Остановились. Повернулись.

— Он останется здесь, — хрипло сказал Дейго. — И вы останетесь.

— Вы с ума сошли? — Брови Седого поползли вверх. — Вы понимаете, кому это говорите?

А тот, что помоложе, отпустил Ресса и просто сказал:

— Не надо.

Много чего прозвучало в этом. И угроза, и предупреждение. И жалость какая-то снисходительная, к заигравшемуся в шпионы дураку-капитану. А стоит-то как — хорошо, качественно. Левая нога чуть вперёд, плечи расслаблены, а сам напряжился, словно котяра перед дракой. Видал он таких котяр. Инструкторов из Академии, что грённов морды бить учили.

— Капитан Охранного ведомства Ренар Дейго, личный номер 726428, — громыхнул Седой. — Приказываю убрать оружие и немедленно передать нам задержанного. В противном случае...

Но Дейго не слушал. Продолжая держать оберов на мушке, он медленно, бочком, подошёл к висющему на стене телефону.

Номер он помнил наизусть. Шесть цифр, столичный. Тарванский.

Гудки. Гудки. Щелчок — и женский голос, суховатый и деловитый.

— Оперативная приёмная Обер-канцелярии, Ренна Тайг, слушаю.

Дейго представился: должность и звание. Не сводя глаз с Седого, продиктовал номер предписания. Запросил подтверждение.

— Одну минуточку.

В трубке хрустнуло, послышались приглушённые голоса и шелест бумажек. Дейго стоял — и потел холодным потом. Вечность, казалось, прошла прежде, чем ему ответили.

— Подтверждено. Осуществите передачу, капитан.

И — гудки. Короткие и безнадёжные.

— Довольны? — уточнил Седой. — Мы можем идти?

Дейго махнул рукой с пистолетом. Сел на краешек стола. Потёр виски.

— Сделаем вид, что ничего не случилось, — ласково сказал обер. — Всего хорошего, господа.

Стукнула дверь, зашумел и стих во дворе мотор. И стало тихо, только дождь в окна. А потом побагровевший Вернер заорал.

Он бился, верещал, топал ногами. Грозился разжаловать, сослать и расстрелять — прямо здесь, на этом месте. Дейго молчал. Смотрел в пол. А потом, когда Вернер выдохся, поднял глаза и тихо сказал:

— Они бы не простили.

— Что? — Вернер, морщась, потёр грудь.

— Они бы не простили, — повторил Дейго. — А эти просто ушли.

Он встал и на негнущихся ногах подошёл к телефону. Снял трубку. Набрал.

— Оперативная приёмная Обер-канцелярии, капитан Рос Гренн у аппарата.

Дейго всё ещё надеялся. Представился, продиктовал осточертевший уже номер предписания.

— Ожидайте.

Теперь проверяли дольше, минут пять. И — ответ. Колотушкой по голове.

— Документ с данным номером в журналах отсутствует. Откуда он у вас?

— Я же звонил. — Дейго беспомощно глянул на часы. — Пятнадцать минут назад. Спросите Ренну Тайг. Она подтвердит.

— У нас нет сотрудников с таким именем. Всего доброго, капитан.

Гудки. Дейго повесил трубку и невидяще уставился на полковника.

— Что сказали? — спросил утомившийся Вернер.

— То, что и думал.

— Ты понимаешь, чем это пахнет? — Полковник почти шептал. — Если мы выпустили шпиона, канцелярия открутит нам голову.

— А не было никакого шпиона. — Дейго усмехнулся. — И не было никакой канцелярии. Забудьте, ребята. Живём как жили.

Двенадцать лет он ждал. И — дождался. Юлия, значит. Её звали Юлия.

Он спустился вниз, в пустую камеру. Снял с гвоздя плащ. Поднялся обратно.

— Ты куда?

— Домой.

— Так смена же...

— Да плевал я на вашу смену.

Он вышел: под дождь, под хмарь, зашагал по улицам, засунув руки в карманы. Глянул украдкой в небо. И снова опустил глаза.

Где ты теперь, Юлия? И где тот берег, с которого ты родом? Он не увидит больше ни её, ни Ресса — факт. И от этого, как ни странно, стало легче. Словно груз с плеч свалился.

Он запрыгал по лужам — как пацан, как школьник. Прохожие оборачивались, смотрели настороженно вслед. Плевать.

На всё плевать — на Вернера, Ресса и оборов. На странную эту историю, где следов не найдёшь, а звонки попадают неизвестно куда. Богу — богово, кесарю — кесарево. Ну их к чёрту, эти тайны.

Завтра он сделает Талли предложение.